

В ОЖИДАНИИ «ХОВАНЩИНЫ»

Борис Покровский о своем отношении к Большому театру и опере Мусоргского

Независимая нг. — 1995. — 13 окт. — с. 7.

Андрей Ахов

Рефлексия

БОЛЬШОЙ театр — лучший зал мира. Настоящий, обстоятельный, красный с золотом. И при этом исконно русский, купеческий. Красавец да и только! Но то, к чему он пришел сегодня, — результат длительной монополии на творчество. Только один человек ставил балеты, только один писал декорации и так далее. Подобный механизм недопустим в нормальном творческом коллективе. Я помню, как еще при мне, когда за пультом стояли все наши великие дирижеры, в театре появились три студента консерватории. «Вы что пришли?» — «Стажироваться». — «Здравствуйте». — «Моя фамилия Светланов, Женя». — «Моя — Рождественский». — «А я — Марк Эрмлер». И уже вскоре Рождественский дирижировал «Франческа да Римини», то есть спектаклем Мелик-Пашаева, Светланов великолепно поставил с Баратовым «Псковитянку», а Эрмлер показал себя профессионалом высшего класса в традиционном репертуаре. Потом первых двух сделали по очереди главными, и в конце концов они убежали. Третьего выгнали.

Система «главных» в Большом театре всегда убивала искусство. А заработал этот механизм в 1936 году, когда Сталин назначил первого главного дирижера (им стал тогда Самосуд — к счастью, хороший музыкант). «Царствие» главных продолжалось в среднем четыре года, а дальше... Долой Павловского — в гроб его, долой Голованова — в гроб, Мелик-Пашаева — в гроб. Пружина действовала безотказно, и у всех я стоял на похоронах. Трижды я подавал заявление, чтобы не считать меня главным режиссером, ведь в творчестве авторитет не тот, кто главнее, а тот, чей талант очевиднее. Кстати, осознав все это, мы (то есть все «главные»: Мелик-Пашаев, Лавровский, Рындин и я) в официальной бумаге правительству изложили свою точку зрения на необходимость изменить наш статус... Куда там! Надо с кого-то спросить, кого-то наказать, на ком-то отыграться. Беда!

Вы даже не представляете, что это такое — быть выгнанным из

В Большом театре всюду идут репетиции «Хованщины». Репетируют Покровский с Ростроповичем, и совсем скоро мы попробуем на вкус плод их совместного с петербургским художником Теймуразом Мурванидзе труда. (Премьера назначена на 9 ноября.) Народная музыкальная драма Мусоргского наконец-то зазвучит у нас в Москве, как и во всем мире, в редакции и оркестровке Шостаковича, максимально приближенной к аутентизму, а стало быть, к истине. Не трудно представить, в каком безысходном трауре пребывают сейчас поклонники итальянизированной и, ничего не скажешь, более эффектной версии Римско-Горсакова. Похоже, что постановки 1950 года Баратова—Федоровского—Голованова (и вправду отличной) они больше не увидят. Их жаль, как жаль, впрочем, и старый спектакль, с которым мы так сроднились. Безупречный был памятник эпохи, и в эстетическом отношении не устарел, хотя в моральном — да. Но на Руси новое всегда отрицает старое. И сегодня «НГ» предлагает читателям познакомиться с суждениями Бориса Александровича Покровского на заданные темы. Разговор с мастером состоялся некоторое время назад, когда вопрос о возможности новой «Хованщины» в Большом театре не был еще решен окончательно.

Борис Покровский и Мстислав Ростропович в Большом.

Большого театра! Вы не знаете, как долго я переживал, когда Юрий Райтис, Образцова, за которых стоял Демичев, и Атлантов выгнали меня из Большого — несколько лет обходил Театральную площадь стороной. Хотя... В конечном счете это пошло на пользу мне, а им не помогло, они как были... так и остались... А для меня это было очень хорошо, иначе я бы не сделал свой Театр, я бы все время находился в окопах этих «великих священных традиций» — и попробуй дернись!

...

Если вы хотите услышать ультрасовременную оперу о сегод-

няшнем дне, которая проникала бы в самую суть и глубину российской жизни, — вслушайтесь в «Хованщину». Это не только о прошлом, а о том, что есть, что будет и чем закончится. Мусоргский все это понимал. Так что последний акт пожара — хорошее предостережение президентам и тем, кто в Думе. Им это надо знать. Заглянуть в справочник духа человеческого и узнать, что ждет страну, — их долг.

Мусоргский создал не музыку, а нечто гораздо большее, поэтому надо гнать людей, которые говорят: «Давайте поставим «Хованщину», там хорошая музыка».

Ни одна певица Большого театра быть идеальной Марфой сегодня не сможет, но чтобы по всей России не нашлось ни одной Марфы — я в такое не верю, ведь сейчас удивительный всплеск молодых талантов.

...

Разумом я всегда понимал, что в «Хованщине» все очень рваное, непоследовательное с драматургической точки зрения и исторически неточное. Но в душевном отношении одна «Хованщина» для меня важнее, чем десятки томов исторической прозы. Тут такая штука, когда художественная правда Мусоргского способна раскрыть про Россию такое, чего не сможет ни один историк с его исторической правдой «что было, а чего не было».

...

Однажды ночью я проснулся от слов Шакловитого. Этот образ мучает меня давно. Кто он такой? Темная личность, убийца, доносчик, шпион. И вдруг — «из наших будущих». И вдруг — монолог «Спит стрелецкое гнездо»: ничего более проникновенного о Руси в опере никто и никогда не произносил. Что это, если не противоречие? Ну значит, я и думаю: Модест Петрович, ясное дело, болел, алкоголик, сидит в каком-то ужасном доме. Тяжело. Да еще Стасов сбивает с толку. Вот и напутал, написал хорошее «от себя», не знал, кому дать, и дал Шакловитому. В некоторых своих спектаклях Шаляпин брал монолог Шакловитого и исполнял его от имени Досифея. Какое-то время я верил, что так и надо. Потом я ушел от этого просто из-за преданности Мусоргскому... Проходят годы, и наша действительность учит меня, что Шакловитый — фигура страшная, фантазмагорическая. Фигура единственная в русской опере по своей сложности. Необычайно, сиюминутно актуальная. Это человек, влюбленный в Россию, но во имя нее идущий на злодейство. Где, в какой стране, у какой нации могут быть такие герои? Нигде и никогда! Это сверх-Шекспир. Это великая загадка великого драматурга.

Показать новую «Хованщину» именно сейчас очень современно. Боюсь, что могут быть самоубийства — люди поймут, кто они есть.

Покровский Борис